Въ первые дни

министерства

Гр. М. Т. Лорисъ-Меликова.

2 экз.
В

ЗАПИСКА о политическомъ состояніи россіи весною 1880 года.

Внемлите истинъ цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

А. С. Пушкинъ, Вольность.

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)

3. UNTER DEN LINDEN 3.

1881.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записка, которая издается нами, представляетъ собою плодъ надеждъ, появившихся вслѣдъ за призывомъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова къ высшей государственной дѣятельности. *Записка* была составлена въ то время, когда эти надежды не были еще омрачены никакимъ разочарованіемъ, и въ свое время была прочтена въ рукописи многими. Люди серьезные, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть заподозрѣны въ симпатіяхъ къ революціонному движенію, имѣли случай выразить свое полное одобреніе содержанію *Записки*. Въ настоящее время, когда вновь оживился призракъ реакціи, не безполезно вспомнить мысли, которыя невольно вылились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго тяжелаго періода. Полтора года спустя послѣ своего возникновенія, *Записка* представляетъ не одинъ интересъ историческаго документа. Все еще приходится бороться со взглядами, всю ошибочность которыхъ по разнымъ причинамъ не сознаютъ и не хотятъ признать люди, руководящіе правительствомъ Россіи.

Бѣдствіе современной (въ мартѣ 1880 г.) Россіи состоитъ въ томъ, что въ средѣ русскаго общества образовалась и дѣйствуетъ съ большою неумностью партія, выступившая на борьбу съ правительствомъ въ такой формѣ, которой никто изъ людей здравомыслящихъ, безъ различія ихъ образованія и положенія, сочувствовать не можетъ. Это — борьба крамольная, выраженная въ рядѣ насильственныхъ дѣйствій надъ представителями власти. Спрашивается, какъ устранить это зло?

Чтобы отвѣтить на вопросъ, надо открыть дѣйствительныя причины зла. Нижеслѣдующее имѣетъ своею цѣлью показать, что —

I. Главная причина болѣзненной формы борьбы заключается въ отсутствіи въ Россіи свободнаго развитія общественной мысли и самодѣятельности.

II. Никакими репрессивными мѣрами искоренить зло невозможно.

III. При современномъ положеніи общества, вслѣдствіе неудовлетворенія многихъ изъ

важнѣйшихъ потребностей его, существуетъ обильный источникъ для недовольства, которое за отсутствіемъ свободныхъ путей для его выраженія, по необходимости выливается въ формы болѣзненныя.

IV. Для устраненія причинъ широко распространеннаго недовольства недостаточно однихъ правительственныхъ мѣропріятій, но необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ живыхъ силъ русскаго общества.

I.

Въ отсутствіи способовъ для правильнаго и свободнаго выраженія недовольства кроется корень болѣзненной формы борьбы съ правительствомъ.

Недовольство не можетъ выражаться путемъ печати. Печать значительно стѣснена въ обсужденіи мѣръ правительства. Предостереженія, закрытіе изданій, тяжкіе штрафы въ видѣ запрещенія розничной продажи и печатанія объявленій дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи самымъ подавляющимъ образомъ. Вопросы первостепенной важности изъемлятся цѣликомъ изъ обсужденія какъ разъ въ то время, когда они наиболѣе занимаютъ умы. Такъ обходились и обходятся со множествомъ разнообразныхъ вопросовъ: въ послѣднее время

(въ концѣ 1879 г. и въ началѣ 1880 г.) подобная участь постигла вопросы средняго и высшаго образованія, — классическая система, университетскій уставъ. Вслѣдствіе того мѣры, настолько важныя, какъ университетская реформа, проводятся какъ-бы тайкомъ, скрытно отъ общества. О другихъ вопросахъ предписывается говорить „лишь съ особенною осмотрительностью и осторожностью", — фраза, которая, на языкѣ цензуры, равносильно почти запрещенію. Не дозволяется обнаруживать въ печати факты, хотя бы справедливые, но такъ или иначе компрометирующіе правительственные органы. Всѣмъ памятенъ хотя бы недавный случай съ „Голосомъ," который подвергся тяжелой карѣ за то только, что обнародовалъ совершенно справедливое извѣстіе о противозаконномъ заключеніи раскольничьихъ архіереевъ. Остается или молчать, или лицемѣрить, или, наконецъ, выражаться языкомъ иносказательнымъ. Но такой языкъ развращаетъ литературу и нерѣдко понапрасно волнуетъ общественное мнѣніе. Когда печать осуждаетъ правительственныя мѣропріятія въ узкихъ предѣлахъ дозволеннаго, читатель ищетъ между строкъ еще большія, скрытыя осужденія. Когда-же въ печати появляется похвала правительству, ей не вѣрятъ, считая ее лице-

мѣрною. Полная откровенность остается удѣломъ только представителей крайнихъ направленій и мы встрѣчаемъ ее, дѣйствительно, съ одной стороны, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и родственныхъ имъ органахъ, а съ другой — въ подпольной печати.

Въ вынужденномъ безмолвіи общественныхъ собраній должно усматривать другую причину развитія подпольной дѣятельности. Примѣры земскихъ собраній 1878 года въ Полтавѣ, Черниговѣ и друг. мѣстахъ показываютъ, что голосъ общественныхъ представителей стѣсняется даже тогда, когда они, по своему посильному разумѣнію, откликаются на призывъ самаго правительства. Все болѣе и болѣе правительство лишаетъ своего довѣрія земство, обращаясь къ учрежденіямъ бюрократическимъ, какъ напр. къ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ прежніе годы оно обращалось къ земству*). Созывая

*) Такъ, между прочимъ, поступлено съ ходатайствами нѣкоторыхъ земствъ: 1) о продленіи арендныхъ сроковъ и 2) о замѣнѣ разъѣздныхъ денегъ непремѣннымъ членамъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ выдачею имъ подорожныхъ. Насколько губернскія присутствія не компетентны въ разрѣшеніи вопросовъ подобнаго рода, видно изъ того, что московское присутствіе обратилось во второмъ изъ приведенныхъ случаевъ за заключеніемъ къ губернскому земству.

уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ, правительство въ тоже время такъ мало довѣряетъ этимъ представителямъ общества, что ставитъ ихъ подъ надзоръ предсѣдателя, не ими избираемаго. Навязавъ земскому собранію въ качествѣ таковаго предводителя дворянства, правительство стремится обратить этого послѣдняго въ чиновника и уже давно многіе изъ предводителей служатъ изъ-за чина или изъ-за административной карьеры.

Правительство нерѣдко относится съ пренебреженіемъ къ заявленіямъ и ходатайствамъ вполнѣ компетентнаго происхожденія. Представители самыхъ законныхъ интересовъ выслушиваются имъ съ неохотою. Въ отчетахъ любой земской управы можно найти указанія, какъ многочисленныя ходатайства земскихъ собраній остаются не только безъ удовлетворенія, но даже безъ отвѣта. Нечего говорить о ходатайствахъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и т. п. Голосъ печати находится въ такомъ же, если не въ большемъ пренебреженіи. По каждому почти вопросу внутренняго государственнаго управленія въ послѣднее время печати приходилось высказывать опредѣленныя воззрѣнія, опирающіяся на точныя научныя данныя, но заключенія ея мало уважались. Примѣромъ изъ недавняго времени

служитъ желѣзно-дорожный налогъ. Когда въ концѣ 1878 года онъ былъ только-что задуманъ, то его крайняя отяготительность и вмѣстѣ съ тѣмъ несостоятельность указывалась съ необыкновенною настойчивостью чуть ли не всѣми органами прессы. Тѣмъ не менѣе налогъ былъ введенъ для того, чтобы оправдать всѣ сдѣланныя предсказанія, и сохраняется до сихъ поръ. Вообще по поводу мѣръ, которыя требуютъ точнаго научнаго изслѣдованія, правительство обращаетъ слишкомъ малое вниманіе на такія изслѣдованія. Въ особенности это проявляется въ вопросахъ экономическаго и финансоваго законодательства, которые между тѣмъ всего менѣе могутъ разрѣшаться въ настоящее время бюрократическимъ путемъ.

Все это рождаетъ въ умахъ то неизбѣжное заключеніе, что правительство не желаетъ прислушиваться къ голосу самого общества, не терпитъ правдивыхъ указаній на свои ошибки и промахи, пренебрегаетъ мнѣніями свѣдущихъ людей, какъ бы преслѣдуя какія-то особыя, чуждыя потребностямъ народа цѣли. Мысль о розни, существующей между правительственными органами и народомъ, составляетъ въ настоящее время явленіе несомнѣнное и распространенное. Въ этомъ отношеніи

образованное общество сходится замѣчательнымъ образомъ съ простонароднымъ воззрѣніемъ. Простой народъ чтитъ царя, какъ Бога, но не питаетъ довѣрія къ чиновникамъ, кои, по его наивному убѣжденію, „обходятъ“ царя. Точно также образованное общество, сохраняя глубокую преданность Монарху, усматриваетъ корень золъ въ бюрократическомъ механизмѣ, оторванномъ отъ народа. Въ этомъ видѣ недовѣріе къ правительству образовалось вполнѣ. Разсѣять такое недовѣріе администрація неспособна, не проявляя ни достаточнаго знанія, ни нравственной силы, ни какого-либо идеала. Ея безсиліе не ускользаетъ отъ вниманія общества и еще болѣе раздражаетъ его, ибо для людей нѣтъ ничего унизительнѣй и оскорбительнѣй, какъ чувствовать себя въ обязательномъ подчиненіи лицамъ, которыя за рѣдкими исключеніями не внушаютъ къ себѣ ни уваженія, ни довѣрія. При такихъ условіяхъ, что бы ни дѣлала власть въ видахъ принудительнаго возстановленія своего авторитета, ея усилія будутъ оказывать лишь раздражающее дѣйствіе. Не въ состояніи помочь здѣсь и то, что посягательство на свой авторитетъ правительственные органы склонны выдавать за посягательство на самую Верховную Власть. Фальшивость

этого пріема не ускользаетъ отъ вниманія даже простолюдина и только усиливаетъ накопляющуюся злобу.

Невозможность высказываться открыто заставляетъ людей таить мысли про себя, лелѣять ихъ въ тихомолку и равнодушно встрѣчать всякую, хотя бы незаконную, форму ихъ осуществленія. Такимъ образомъ создается весьма важное условіе для распространенія крамолы — извѣстное послабленіе со стороны людей, которые при иныхъ обстоятельствахъ отвернулись бы отъ нея съ негодованіемъ.

Въ обществѣ есть запасъ силъ, ищущихъ простора для дѣятельности. Есть запасъ самостоятельныхъ сужденій, стремящихся къ свободному выраженію. Чѣмъ сильнѣе будутъ стѣснять это законное стремленіе, тѣмъ скорѣе оно бросится по пути не законному; и чѣмъ рѣзче обнаружится несоотвѣтствіе между стремленіями общества и образомъ дѣйствій власти, тѣмъ распространеннѣе и ярче станутъ формы незаконнаго протеста; и чѣмъ ярче будутъ онѣ, тѣмъ заразительнѣе. Когда въ обществѣ нѣтъ средствъ для спокойнаго и гласнаго заявленія и обсужденія своихъ нуждъ (а спокойствіе возможно только при гласности), тогда активные слои общества, бросаясь въ тайную и страстную дѣятельность, посте-

пенно отвыкаютъ отъ разумнаго способа дѣйствій. Что прежде было удѣломъ головъ особенно горячихъ и заблуждающихся, то наконецъ станетъ достояніемъ и другихъ категорій людей, ибо у этихъ другихъ не будетъ почвы для образованія лучшихъ качествъ.

II.

Въ настоящее время (въ началѣ 1880 г.) въ ходу мысль, что возможно искоренить зло исключительно мѣрами репрессивными. Многіе полагаютъ, что прежде, чѣмъ думать о чемъ либо иномъ, необходимо сосредоточить все вниманіе на такихъ мѣрахъ и лишь потомъ, когда онѣ достигнутъ ожидаемаго отъ нихъ результата, обратиться къ дальнѣйшему развитію общественной жизни въ Россіи.

Между тѣмъ никакими репрессивными мѣрами искоренить зло невозможно.

Кромѣ того слѣдуетъ сказать, что мѣры репрессивныя, нисколько не исправляя существующаго зла, родятъ еще новое зло. Мѣры репрессивныя неизбѣжно сопряжены съ произволомъ органовъ власти. Можно было бы примириться при извѣстныхъ условіяхъ съ произволомъ высшей власти, но произволъ наверху родитъ произволъ внизу. Исправникъ, становой, урядникъ или жандармъ, понимая

каждый по своему спасеніе отечества, ставятъ себя выше всѣхъ законовъ и учрежденій. Правительство разрушаетъ такимъ образомъ одною рукою то, что создало другою, въ концѣ же концовъ подрываетъ всякое уваженіе къ власти, ибо ничто не вредитъ такъ авторитету власти, какъ распространеніе въ обществѣ убѣжденія, что она не желаетъ подчиняться никакому опредѣленному порядку. Произволъ грозитъ далѣе чрезмѣрнымъ расширеніемъ круга преслѣдуемыхъ лицъ. Произволъ открываетъ путь къ примѣненію правила: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ.“ Въ устахъ административныхъ органовъ это правило получаетъ особенно опасное значеніе, потому что объявляетъ врагами отечества лицъ, на самомъ дѣлѣ спокойныхъ и полезныхъ, но только не во всемъ согласныхъ со взглядами администраціи. Всѣмъ извѣстно, какъ въ послѣднее время безъ всякаго серьезнаго основанія наброшена тѣнь на лучшія силы нашего общества. Развернулся ожесточенный походъ на интеллигенцію, въ которомъ не безгрѣшно и само правительство. Забыли, что заклейменная интеллигенція есть продуктъ самой русской исторіи, что, начиная съ Петра В., само правительство создавало эту злосчастную интеллигенцію, что какова бы она не была, въ ней

одной сосредоточивается сознательное мышленіе русскаго народа. Подавляя это мышленіе, разсчитываютъ на страсти, забывая, что страсти — орудіе обоюдоострое и что, однажды развивъ ихъ въ одномъ направленіи, нельзя будетъ сдержать ихъ, когда онѣ, подъ вліяніемъ толчка, который никогда не можетъ быть предугаданъ и во-время устраненъ, сами двинутся по другому пути. Напротивъ, сознательное мышленіе, образованность — лучшая опора для порядка. Далѣе, развивая страсти взамѣнъ разумнаго обсужденія, произволъ разрушаетъ чувство законности, которое и безъ того стоитъ у насъ не на высокой ступени развитія. Произволъ порождаетъ взаимныя столкновенія органовъ власти, столь вредныя для здоровой государственной жизни. Только господство законности въ состояніи установить планомѣрность въ дѣйствіяхъ власти, согласіе ея органовъ, ихъ дисциплину.

Помимо того никакія репрессаліи не въ состояніи убить свободнаго развитія мысли. Прошлое царствованіе (1825—1855 гг.) служитъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ. Такое же доказательство представляютъ послѣдніе годы. Идея народнаго представительства, напримѣръ, сдѣлала громадные успѣхи въ послѣднее время, проникла даже въ глушь

провинціи, хотя гласное обсужденіе этой идеи было запрещено *безусловно*. При отсутствіи свободной печати образуется изустная передача идей молвою, особый видъ проповѣдничества. Примѣры такого распространенія религіозныхъ ересей и расколовъ очень хорошо извѣстны для того, чтобы ссылаться на нихъ. Но тоже происходитъ и въ политической сферѣ. Когда мысль подвержена стѣсненіямъ, тогда она становится особенно чуткою и воспріимчивою. Она хватается за малѣйшій намекъ и придаетъ значеніе тому, что при другихъ обстоятельствахъ не обратило бы на себя вниманія. Подпольная печать получаетъ особенный вѣсъ при такихъ обстоятельствахъ. И, съ другой стороны, кто не знаетъ, какъ сразу потерялъ свое обояніе „Колоколъ“ и другія подобныя изданія, когда Россіи была дарована, хотя и относительная, свобода печати?

Надо сказать еще, что въ настоящемъ бѣдствіи репрессивныя мѣры неспособны оказать даже ожидаемаго отъ нихъ непосредственнаго дѣйствія. Онѣ не могутъ найти опредѣленнаго объекта для преслѣдованія. Война невозможна, когда нѣтъ на лицо врага. Въ положеніи, подобномъ настоящему, оппозиція правительству не является выраженною только въ извѣстныхъ лицахъ. Она носится въ воз-

духѣ, кроется въ душѣ массы людей. Строгія мѣры вырвутъ нѣкоторыхъ, наиболѣе выдавшихся лицъ, но взамѣнъ того смута выставитъ новыхъ дѣятелей.

Наконецъ система репрессивныхъ мѣръ, поддерживая въ странѣ тревожное возбужденіе страхомъ грозящихъ ей опасностей и постоянною смѣной экстраординарныхъ мѣропріятій, отвлекаетъ вниманіе отъ насущныхъ интересовъ и перепутываетъ разсчеты на будущее. Страна живетъ изо дня въ день въ то время, когда ей необходимо было бы немедленно приняться за бодрую работу.

Такимъ образомъ, остановимся-ли мы на репрессивныхъ мѣрахъ, какъ на необходимой принадлежности нормальнаго государственнаго порядка, или только какъ на временномъ средствѣ, годномъ лишь въ эпоху смуты, онѣ не въ состояніи оказать ожидаемыхъ отъ нихъ послѣдствій, въ особенности если только на нихъ однѣхъ будетъ сосредоточена забота власти.

III.

Выдающаяся особенность современнаго положенія русскаго общества состоитъ въ крайнемъ недовольствѣ, которое нуждается въ свободномъ выраженіи.

Несомнѣнность такого недовольства очевидна. Въ немъ-то, въ неудовлетворенности всего образованнаго русскаго общества, безъ различія званій, положеній и воззрѣній, кроется настоящая причина современнаго смутнаго состоянія.

1. Неудовлетворенною является прежде всего потребность общественной дѣятельности. Эту потребность не въ состояніи была заглушить постоянно развивавшаяся бюрократія. Эта потребность питалась и развивалась умственнымъ движеніемъ прошлаго и въ особенности настоящаго столѣтія. Уже къ началу нынѣшняго царствованія сложился въ литературѣ и обществѣ законченный идеалъ государственной жизни, требовавшій осуществленія. Идеи неприкосновенности правъ личности, свободы мысли и слова, государственнаго устройства, обезпечивающаго эти права, легли въ основаніе идеала. Преобразованія первой половины царствованія императора Александра II сообщили политическому идеалу нашего образованнаго общества окончательную отдѣлку и устойчивость. Преобразованія дали ему верховное освященіе и рѣшительный толчекъ къ дальнѣйшему развитію; они же создали такія новыя условія жизни, при которыхъ необходимость новыхъ государственныхъ

СОЦИАЛ... АКА...

формъ изъ сферы теоретической перешла въ область практическую. Старый правительственный механизмъ оказался не въ состояніи заправлять движеніемъ новыхъ, значительно осложнившихся отношеній. Только при самодѣятельности самого общества стало возможно правильное руководительство имъ. Такимъ образомъ стремленіе общества къ участію въ государственной жизни, его потребность общественной дѣятельности сдѣлалась фактомъ упроченнымъ, съ которымъ должно считаться правительственная власть. Между тѣмъ администрація относится къ этому факту недружелюбно. Въ то время, какъ общество, побуждаемое и складомъ своихъ идей и обстоятельствами времени, стремится къ участію въ государственной жизни, администрація кладетъ ему препоны.

Въ сущности, въ этомъ стремленіи образованнаго общества нѣтъ даже ничего новаго, прежде русской жизни неизвѣстнаго. Съ Петра В. само правительство старается о томъ, чтобы поднять уровень образованія въ административныхъ рядахъ. Долгое время контингентъ образованныхъ людей былъ не въ состояніи удовлетворить всего запроса на чиновниковъ. Наконецъ создается то особенное положеніе, при которомъ представителями выс-

шаго сословія въ государствѣ (дворянства), образованнаго класса и рядовъ администраціи являются одновременно однѣ и тѣже лица. Но къ настоящему времени такое положеніе уже измѣнилось. Контингентъ образованныхъ людей разросся настолько, что далеко не исчерпывается одними представителями бюрократическаго механизма. Сложилось общество, которое живетъ и дѣйствуетъ рядомъ съ администраціей. Это общество не можетъ отказаться отъ присущихъ ему въ силу его природы стремленій. Если правительственный механизмъ, въ его современномъ видѣ, исключаетъ для большинства тѣхъ, кто имѣетъ первенствующее право на непосредственное участіе въ государственной жизни, самое желаніе войти въ его составъ, то механизмъ этотъ подлежитъ преобразованію.

Однако онъ не преобразовывается и даже стремится подавить и заглушить учрежденія, которыя прямо назначены для такого преобразованія. Во что бы то ни стало навязывается обществу мысль, что столь обширнымъ государствомъ, какъ Россія, такою сложною жизнью, каковою стала русская жизнь, можно управлять почти исключительно посредствомъ чиновниковъ. Земство систематически подавляется, хотя годъ отъ году земскія учреж-

денія, въ силу естественнаго закона историческаго развитія, воспитываютъ все бо́льшее и бо́льшее число способныхъ земскихъ дѣятелей. Оглашеніе постановленій земства подчиняется цензурѣ губернаторовъ, ограничиваются права земства по обложенію имуществъ земскими налогами, увеличивается дисциплинарная власть предсѣдателей собраній, отрицаются права земства по завѣдыванію школами, устанавливается полное невниманіе къ земскимъ ходатайствамъ, изъемлятся изъ обсужденія земствъ и передаются на разсмотрѣніе административныхъ учрежденій важнѣйшіе вопросы, наконецъ предоставляется губернаторамъ нравственная оцѣнка должностныхъ лицъ, служащихъ по выборамъ. Благодаря всему этому, земству грозитъ опасность превращенія изъ самостоятельнаго органа мѣстнаго управленія въ подчиненный органъ мѣстной администраціи. Это насильственное подчиненіе не въ состояніи убить въ обществѣ стремленія къ земской самодѣятельности, но оно вполнѣ достаточно для того, чтобы послужить источникомъ постояннаго недовольства и заставить видѣть въ администраціи не слугу народныхъ нуждъ, но органа интересовъ бюрократіи.

2. Еще болѣе неудовлетвореннымъ является въ настоящее время естественное въ каж-

домъ образованномъ человѣкѣ стремленіе къ личной неприкосновенности. Независимость суда, предосторожности при обыскахъ и арестахъ, отвѣтственность за неправильное лишеніе свободы, наказаніе, налагаемое не иначе, какъ по соблюденіи всѣхъ формальностей гласнаго и состязательнаго судопроизводства, — вотъ необходимыя условія существованія современнаго общества. Ни съ какими административными ограниченіями суда оно не можетъ примириться. Административныя стѣсненія всегда выражаютъ произволъ, обнаруживаютъ, что власть сама не желаетъ повиноваться общимъ законамъ, ею же изданнымъ, ищетъ возможности посягнуть и на независимость суда и на права лицъ, приходящихъ съ нами въ соприкосновеніе. Никакіе мотивы не оправдаютъ въ глазахъ общества этого стремленія; но всегда оно послужитъ къ ослабленію авторитета самой власти. Отсутствіе независимыхъ слѣдователей подрываетъ у насъ значеніе первой стадіи процесса. Несмѣняемость судей сдѣлалась пустымъ звукомъ, благодаря практикѣ дальнихъ переводовъ и неудобныхъ повышеній. Недовѣріе къ избранію самихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 213—215 учр. суд. уст., по новому изданію ст. 302—304) и неосмотрительное назначеніе на открывшіяся судеб-

ныя вакаціи доходитъ до того, напримѣръ, что въ Москвѣ недавно, какъ на спектакль, ходили въ судъ потѣшаться надъ невѣжественнымъ товарищемъ предсѣдателя, назначеннымъ министромъ юстиціи въ обходъ лицъ, рекомендованныхъ самимъ судомъ. Людей поверхностныхъ такіе случаи потѣшаютъ, болѣе серьезныхъ — они глубоко возмущаютъ, тѣхъ и другихъ укрѣпляютъ въ неуваженіи къ правительству. Изъ рукъ судебной власти, и въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ она еще существуетъ, вырвана масса дѣлъ. Въ безмѣрно широкой области политическихъ дѣлъ, которыя по крайней шаткости, неуловимости и измѣнчивости признаковъ, отличающихъ дѣянія дозволенныя отъ противозаконныхъ, должны обставляться наибольшими гарантіями въ охрану личности, — именно въ этихъ дѣлахъ существуетъ порядокъ, находящійся въ вопіющемъ противорѣчіи съ основными мыслями русскаго общества о судѣ, взлелѣянными самимъ законодателемъ, и съ элементарными требованіями правосудія. Грабитель и убійца не могутъ подвергнуться обыску и аресту иначе, какъ по постановленію судебнаго мѣста, которое отвѣчаетъ за свои дѣйствія по жалобѣ пострадавшихъ лицъ Между тѣмъ при производствѣ дѣлъ съ политическимъ оттѣнкомъ, вотъ

уже 10 лѣтъ, по ничтожному подозрѣнію или непровѣренному доносу, полиція врывается въ жилище, вторгается въ сферу личной жизни, прочитываетъ письма, заключаетъ подозрѣваемаго подъ арестъ на цѣлые мѣсяцы, подвергаетъ его нравственной пыткѣ инквизиціоннаго процесса, не предоставляя ему даже права точно и опредѣленно знать, въ чемъ именно онъ обвиняется. Многія лица, привлеченныя по ошибкѣ или недоразумѣнію, переживъ этотъ искусъ, возвращаются потомъ на прежнія мѣста. Въ глазахъ извѣстной части общества и администраціи это — не люди, оправданные по суду и возстановленные въ своихъ правахъ передъ лицомъ общественнаго мнѣнія; это — опасные члены общества, на которыхъ легла печать неблагонадежности. Въ глазахъ другихъ это — невинные мученики или даже герои. И нерѣдко жизнь подобныхъ людей разбита на-всегда. Мертвая тайна политическаго процесса, въ противоположность гласности общаго судопроизводства, полный произволъ преслѣдующей власти въ противоположность съ строгою закономѣрностью каждаго акта въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ, — составляютъ язву, которая въ самомъ корнѣ разрушаетъ въ обществѣ чувство законности, и въ концѣ концовъ поддерживаетъ

раздраженіе не только въ средѣ лицъ, имѣвшихъ несчастіе подвергнуться политическому преслѣдованію, и ихъ семей, но и въ болѣе обширныхъ кругахъ. При отсутствіи какихъ бы то ни было законоположеній, опредѣляющихъ понятіе политическихъ преступленій и границы власти учрежденій, ими выдающихъ, ни одинъ человѣкъ изъ образованнаго класса не можетъ считать себя вполнѣ гарантированнымъ отъ политическихъ преслѣдованій, и слѣдовательно, не можетъ не испытывать постоянно унизительнаго и раздражающаго чувства полнаго своего безправія.

Еще въ большемъ противорѣчіи со взглядами общества находится система административныхъ ссылокъ и высылокъ безъ суда и слѣдствія, никогда не практиковавшаяся въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ въ послѣдніе годы (1875—80 гг.). Въ то время, какъ и по смыслу судебныхъ уставовъ, и по основному требованію справедливости, никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ суда, сотни, а можетъ быть и тысячи, лицъ ежегодно подвергаются самому тяжкому для образованнаго человѣка наказанію, — лишенію привычнаго для него общества и при томъ по одному, ничѣмъ не мотивированному, распоряженію администраціи. Лица, подвергшіяся ад-

министративной ссылкѣ, не знаютъ, какъ долго будетъ тяготѣть надъ ними это наказаніе. Они лишены того утѣшенія, которое дается каждому осужденному преступнику строгою опредѣленностью срока наказанія. — Кромѣ того ни окружавшія сосланнаго лица, ни часто самъ онъ точно не знаютъ, за какую вину послѣдовала административная ссылка. И та, и другая сторона имѣютъ основаніе предполагать, что вина по меньшей мѣрѣ не можетъ быть точно доказана, ибо въ противномъ случаѣ обвиняемый былъ бы представленъ въ судъ и наказанъ по суду. При изданіи закона объ административныхъ ссылкахъ, объясняли ихъ, какъ особенную мѣру, облегчающую участь молодыхъ и увлекавшихся преступниковъ, которыхъ, въ видѣ милости, вмѣсто тяжелаго наказанія по суду, администрація будетъ временно высылать въ дальнія губерніи. Однако, когда московское дворянское собраніе ходатайствовало о томъ, что бы каждому, предназначенному въ ссылку, было предоставлено право потребовать судебнаго разсмотрѣнія его вины, это ходатайство было оставлено безъ уваженія.

3. Современное положеніе самоуправленія и суда кроетъ въ себѣ еще ту раздражающую сторону, что оно явилось результатомъ при-

скорбной непослѣдовательности самого правительства. Въ началѣ настоящаго царствованія (въ концѣ 50-хъ годовъ) устами Главы государства и первыхъ государственныхъ людей подтверждены политическіе идеалы русскаго общества. Но при первомъ же шагѣ администрація обнаружила нодовѣріе къ общественнымъ силамъ. Вскорѣ послѣ изданія такихъ актовъ, какъ земское положеніе и судебные уставы, начался рядъ ихъ урѣзокъ. Всѣ перечисленныя выше ограниченія правъ земства, особое производство политическихъ слѣдствій, административныя ссылки, отстраненіе присяжныхъ отъ нѣкоторыхъ категорій дѣлъ, особые суды для разбора государственныхъ преступленій — все это составляетъ результатъ послѣдующихъ урѣзокъ. Урѣзки начались почти что на первыхъ же порахъ дѣйствія новыхъ законовъ и производились иногда съ такою тонкою послѣдовательностью, что не могли почитаться за случайное явленіе. Съ такою послѣдовательностью першли мы, напримѣръ, отъ порядка судебныхъ уставовъ къ нынѣ дѣйствующему порядку политическихъ дознаній. Къ судебной власти, дѣйствовавшей сначала отдѣльно, были приданы въ качествѣ вспомогательнаго орудія чины III отдѣленія. Потомъ центръ тяжести былъ перенесенъ на

этихъ послѣднихъ и только требовалось заключеніе прокурорскаго надзора. Наконецъ все дѣло сосредоточилось исключительно въ рукахъ жандармской власти. Эти и другія подобныя имъ мѣры обнаружили, какъ относится правительство къ преобразованіямъ. Онѣ заставили общество стать на стражѣ дорогихъ учрежденій и на первыхъ же порахъ образовалось ненормальное состояніе: вмѣсто того, чтобы власти и обществу единодушно содѣйствовать осуществленію новаго порядка, эти двѣ силы стали во враждебное положеніе. Винятъ въ этомъ иногда и самое общество. Безъ сомнѣнія, обвиненіе до нѣкоторой степени справедливое. Но, высказывая его, забываютъ, что въ странѣ, въ которой главною пружиною является все же правительственная сила, отъ правительства требуется и наибольшее самообладаніе.

4. Что произошло съ земствомъ и судомъ, то совершилось также и, можетъ быть, въ наиболѣе рѣзкой формѣ съ печатнымъ словомъ. Законъ 1865 года предоставилъ нѣкоторыя права нашей прессѣ, уничтоживъ въ извѣстныхъ случаяхъ предварительную цензуру и подчинивъ злоупотребленія печатнымъ словомъ юрисдикціи общихъ судовъ. Но эти права превратились въ мертвую букву

благодаря цѣлой системѣ ограниченій. Покоясь на административномъ усмотрѣніи, дѣйствующая теперь цензурная система заключаетъ въ себѣ тотъ крупный недостатокъ, что нѣтъ правилъ, которыя заранѣе опредѣляли бы, въ какихъ именно случаяхъ какая именно кара должна налагаться на провинившіяся изданія. На это жалуются сами цензоры, которые получаютъ одновременно выговоры за пропускъ сочиненій и статей повидимому неопасныхъ и за невыпускъ произведеній, на видъ весьма неблагонамѣренныхъ. Общество же раздражаетъ еще и другая несправедливость. Случается, напримѣръ, что даже изъятіе вопроса изъ литературнаго обращенія вовсе не мѣшаетъ сторонникамъ мѣропріятій, осуждаемыхъ въ обществѣ, рѣзко высказывать свои мнѣнія и нападать на противниковъ, которые, въ виду сказаннаго изъятія, совершенно лишены возможности отвѣчать для возстановленія истиннаго смысла своихъ мнѣній (примѣромъ можетъ служить вопросъ о классической системѣ образованія).

Ограниченіе печати, какъ и свободы слова вообще, могло бы имѣть смыслъ въ странѣ, правительственная власть которой чувствовала бы себя по отношенію къ народу особенно слабою. Между тѣмъ извѣстно, что у насъ

сила власти правительства велика. Все, что достигается ограниченіемъ свободнаго слова, ведетъ лишь къ умаленію этой силы. Правительство опасается гласности, стало быть, ему есть что скрывать отъ вниманія общества, — вотъ неизбѣжное заключеніе изъ современнаго положенія печати. Между тѣмъ никогда потребность въ свободномъ словѣ не ощущается съ такою силою, какъ въ эпохи недовольства. И безъ того эта потребность въ современномъ русскомъ обществѣ громадная. Оно переживаетъ кризисъ важный и въ экономическомъ, и соціальномъ, и политическомъ отношеніяхъ. Свободный обмѣнъ мыслей одинъ въ состояніи облегчить трудныя заботы переходнаго положенія. Когда же въ направленіи этихъ заботъ общество не сходится съ администраціей, тогда печатное слово является единственнымъ средствомъ хотя для нѣкотораго успокоенія тревожнаго настроенія. Отказываясь отъ выслушиванія откровенныхъ сужденій, правительство только лишній разъ обнаруживаетъ неувѣренность въ собственныхъ силахъ и тѣмъ самымъ лишаетъ себя главнаго средства узнать, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло. Въ обществѣ могутъ находиться нужды и силы, которыя застанутъ правительство врасплохъ. Современное (въ началѣ 1880 г.) положеніе

служитъ тому доказательствомъ. До сихъ поръ администрація не знаетъ въ точности враговъ общественнаго порядка и врядъ-ли узнаетъ ихъ путемъ гнета, потому что они образовались на почвѣ, которая пріобрѣла таинственность благодаря мѣрамъ самой же власти. Эти враги, безъ свободы слова, останутся неизвѣстными и самому обществу.

Въ неудовлетвореніи потребности высказываться откровенно и гласно кроется важный источникъ современнаго недовольства. Мысль образованнаго человѣка по природѣ своей ищетъ возможности обмѣна, взаимнаго убѣжденія. Борьба есть естественное состояніе идей. Уничтожить этого нельзя безъ уничтоженія самой мысли. Всякая преграда къ свободному протесту не ослабитъ энергіи мысли. Напротивъ, преграды сосредоточатъ ее и, при невозможности борьбы идейной, создадутъ борьбу политическую и соціальную.

5. Такимъ образомъ создается тяжелый внутренній разладъ между самыми элементарными правилами гражданской жизни, созданными и укрѣпленными въ насъ воспитаніемъ, литературой и ежеминутнымъ наблюденіемъ происходящаго за предѣлами Россіи съ одной стороны, и окружающею насъ дѣйствительностью съ другой стороны. Этотъ разладъ отрав-

ляетъ въ самомъ корнѣ личное и общественное существованіе. Однихъ, болѣе нервныхъ людей (а число ихъ ростетъ постоянно) онъ держитъ въ состояніи напряженнаго раздраженія. Подъ вліяніемъ случайныхъ впечатлѣній оно способно натолкнуть человѣка на такой путь, отъ котораго при спокойномъ состояніи онъ отвернулся бы. Другихъ — указанный разладъ ввергаетъ въ состояніе душевной апатіи, вслѣдствіе которой они относятся равнодушно даже къ явнымъ нарушеніямъ общественнаго порядка. Гдѣ власть отказалась отъ содѣйствія общества, тамъ ей самой предоставляется разбираться съ врагами. Третьи, заглушивъ въ себѣ общественные идеалы и гражданскія чувства, находятъ удовлетвореніе въ дѣятельномъ преслѣдованіи эгоистическихъ выгодъ. Появляется, наконецъ, родъ людей, которые ради однихъ личныхъ интересовъ задаются проведеніемъ тѣхъ самыхъ идей, противъ которыхъ прежде вооружалось ихъ нравственное чувство. Это фарисейство, которое вводитъ въ обманъ даже тѣхъ, въ чью пользу оно предпринимается, дѣлаетъ для общества еще ненавистнѣе темныя стороны окружающей его дѣйствительности. Лицемѣріе развиваетъ взаимное недовѣріе, что дѣлаетъ невозможнымъ здоровую государственную жизнь.

6. Нѣтъ нужды обозрѣвать всѣ вопросы, по которымъ печальное недоразумѣніе, существующее между обществомъ и правительствомъ, родитъ и питаетъ недовольство. Но вопросъ школьный, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

И первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ среднія учебныя заведенія.

Не входя ни въ какое обсужденіе классической системы образованія вообще, слѣдуетъ указать только на ложную постановку ея у насъ въ Россіи. Такая постановка повредила бы успѣху каждой системы. Какъ бы совершенна сама по себѣ ни была система классическаго образованія, она однако вводилась у насъ при полномъ нерасположеніи къ ней общества. Это обстоятельство не должно было останавливать сторонниковъ системы, если они считали за собою истинное превосходство, но они должны были иначе отнестись къ факту нерасположенія, нежели отнеслись къ нему на самомъ дѣлѣ. Было принято за правило слѣдовать путемъ рѣшительной борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ. Но насильственныя нововведенія всегда поражаютъ общество непріятнымъ образомъ. Въ настоящемъ же случаѣ онѣ касались предмета самаго дорогаго и чувствительнаго для каждаго, — воспитанія дѣ-

тей, и къ тому же имѣли противъ себя громадное большинство общества. Крайне деликатное отношеніе къ родительскому чувству, нѣкоторое уваженіе даже его слабостей и заблужденій было обязательно для власти, стремящейся внѣдрить въ умы рядъ новыхъ для нихъ воспитательныхъ идей. Ничего подобнаго не было, и насиліе неизбѣжно вызвало ожесточенный протестъ.

Не останавливаясь передъ нимъ и замѣчая, что недовольство проникаетъ въ среду самихъ наставниковъ, которые, принадлежа къ составу того же общества, не могли часто не раздѣлять его взглядовъ, власть особенно обострила свой рѣшительный образъ дѣйствій внутри самой школы, гдѣ она была уже полнымъ хозяиномъ. И устройство школы, и самое преподаваніе были поставлены на бюрократическую ногу. Въ отношеніяхъ начальства къ наставникамъ воцарился абсолютный произволъ, который долженъ былъ отразиться и на отношеніяхъ наставника къ ученику. Учитель обратился въ ходящую машину, дѣйствія которой предопредѣлялись циркулярами, подробнѣйшими программами и росписаніями. Было забыто, что извѣстнаго рода самостоятельность и самодѣятельность есть необходимый атрибутъ успѣшнаго преподаванія. Только при наличности этихъ качествъ преподаватель,

представляя изъ себя живую силу, въ состояніи пробудить въ ученикѣ и умъ, и сердце. Самый составъ предподавателей ухудшился. Англичане, напримѣръ, отказываются отъ преподаванія въ школѣ новыхъ языковъ единственно по той причинѣ, что не обладаютъ достаточнымъ числомъ учителей этого предмета изъ среды англичанъ. У насъ же при желаніи сразу ввести въ дѣйствіе классическую школу и при недостаткѣ учителей изъ русскихъ, переполнили ее иноземными преподавателями, плохо владѣющими русскимъ языкомъ. Въ школѣ воцарился произволъ начальства и крайній формализмъ преподаванія. Ученики выходили изъ гимназій безъ надлежащаго *воспитанія*, какъ физическаго, такъ и нравственнаго, ибо здоровое физическое воспитаніе невозможно при непосильности задаваемыхъ ученикамъ работъ и отсутствія у дѣтей досуга (неизбѣжное послѣдствіе неспособности самихъ учителей), нравственное же воспитаніе не можетъ быть тамъ, гдѣ отсутствуетъ уваженіе къ наставнику и недостаетъ нравственной самостоятельности въ преподавателѣ. Ученики выходили изъ школы безъ надлежащаго *образованія*. Въ сущности совершилась измѣна самому принципу классической системы, принятой за основаніе. Назначеніе этой системы

состоитъ въ развитіи идеаловъ и мышленія посредствомъ логической гимнастики, но вмѣсто того получилось буквоѣдство и упражненіе исключительно памяти. По отзыву спеціалистовъ, ученики, запомнивъ рядъ грамматическихъ правилъ и переводовъ, все-таки не знаютъ древнихъ языковъ, такъ что студентовъ-филологовъ приходится переучивать въ университетѣ. Имъ чуждъ хорошій русскій языкъ, ибо они почти незнакомы съ исторіей и произведеніями отечественной литературы и ихъ слогъ совершенно испорченъ нелѣпыми и варварскими по языку текстами, изобрѣтенными спеціально для того, чтобы служить матеріаломъ для переводовъ съ русскаго на латинскій и греческій. Современные гимназисты, которымъ удалось выдержать полный курсъ, сравнительно съ ихъ предшественниками, несомнѣнно, выиграли въ пассивномъ трудолюбіи, но много потеряли въ отношеніи истиннаго образованія и способности къ самостоятельному размышленію. Выйдя изъ гимназіи, они относятся безъ критики къ подпольнымъ ученіямъ, какъ безъ критики же относились ко всему, преподанному въ гимназіи.

Всѣ эти недостатки не ускользаютъ и не могутъ ускользать отъ вниманія родителей. Они болѣютъ за дѣтскую участь и, такъ какъ

сама школа сразу же поставила себя враждебно къ семьѣ, то и семья питаетъ и развиваетъ къ ней только одну вражду. На судьбѣ молодаго поколѣнія это положеніе отзывается самымъ тлетворнымъ образомъ. Не можетъ быть нравственнаго развитія тамъ, гдѣ юноша находится подъ вліяніемъ двухъ враждующихъ авторитетовъ, изъ которыхъ каждый подрываетъ значеніе другаго. Юноша теряетъ вѣру въ нравственные идеалы и таитъ въ себѣ сочный корень для питанія всякаго нигилизма. То обстоятельство, что университетская молодежь отличается относительною благонадежностью, еще ни мало не говоритъ въ пользу благонадежности самой гимназіи: ея результаты должны быть опредѣлены на основаніи изученія всего состава бывшихъ въ ней учениковъ, изъ которыхъ окончившіе полный курсъ составляютъ не великую часть.

7. Не менѣе ясны недостатки существующей системы въ университетскомъ вопросѣ.

Университетскій уставъ 1863 года содержитъ въ себѣ условія для правильнаго развитія высшаго образованія въ Россіи. Университетамъ дано корпоративное, слѣдовательно, до извѣстной степени самостоятельное устройство и такимъ образомъ обезпечена, хотя отчасти, истинная свобода и независимость выс-

шаго преподаванія, — качества, которыя должны составлять принадлежность каждаго вида преподаванія и въ высшемъ его видѣ особенно необходимы. Учащіеся поставлены въ стѣнахъ университета въ исключительную зависимость отъ университетскаго начальства. Этимъ обезпечено отношеніе начальства къ студентамъ, сопряженное съ нужною мягкостью съ одной стороны, довѣріемъ и податливостью съ другой стороны, — качества, которыя всегда будутъ отсутствовать при руководительствѣ студентами властью, посторонней университету. Проведеніе этихъ началъ въ жизни сопровождалось нѣкоторыми недоразумѣніями, или такъ-называемыми университетскими исторіями. Что касается до профессорскихъ исторій, изъ коихъ важнѣйшія относятся къ первому времени дѣйствія устава, то онѣ объясняются извѣстною неподготовленностью первоначальнаго контингента профессоровъ, вскормленныхъ на бюрократическихъ порядкахъ прежняго времени. Эти профессоры не могли сразу освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ. Что же касается до студенческихъ исторій, то важнѣйшія изъ нихъ приняли сколько нибудь серьезное значеніе только благодаря поспѣшному и преждевременному вмѣшательству власти, посторонней универси-

тету. Такимъ образомъ исторіи, чисто школьныя, были перетолкованы въ политическія. Когда же совѣтамъ университета удавалось предупредить чуждое вмѣшательство, исторіи получали мирный исходъ. Придираясь къ названнымъ исторіямъ и руководясь личными разсчетами, враги университетской независимости всего черезъ десять лѣтъ по изданіи университетскаго устава начали походъ противъ него, что́ нашло себѣ особенную поддержку въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тогда началось многолѣтнее и утомительное для обѣихъ сторонъ оффиціальное изслѣдованіе университетскаго дѣла, предпринятое не безъ задней мысли разрушенія дѣйствующаго порядка. Со стороны министерства изслѣдованіе характеризовалось настойчивостью въ проведеніи предвзятой цѣли, нетерпимостью къ противнику и пренебреженіемъ къ сужденіямъ самаго компетентнаго происхожденія (высказаннымъ при томъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ). Около семи лѣтъ сословіе профессоровъ живетъ въ неизвѣстности своего будущаго положенія и во вредъ своимъ непосредственнымъ задачамъ тратитъ время на борьбу изъ за сохраненія прежняго положенія. Выдавая своею цѣлью — свободу, на самомъ дѣлѣ уже существующую по уставу 1863 г.,

подъ предлогомъ подражанія Германіи, противники университетскаго устава предлагали мѣры, долженствовавшія какъ разъ стѣснить независимость преподаванія и обострить отношенія къ студентамъ. Умышленно игнорировали, что въ Германіи многое, расходясь по буквѣ съ уставомъ 1863 года, въ дѣйствительности приближается къ нему и не хотѣли знать, что благодаря мѣстнымъ условіямъ русскаго образованія министерство не могло воспользоваться значительнѣйшею долею даже того вліянія, которое было открыто для него уже по уставу 1863 года. Вдобавокъ министерская пропаганда опиралась въ литературѣ на людей съ самою сомнительною репутаціею. Все это не могло не дѣйствовать на общество наиболѣе раздражающимъ и оскорбительнымъ образомъ. По мѣрѣ того, какъ дѣло шло впередъ, все болѣе и болѣе обнаруживалась несостоятельность желаній министерства и то, что дѣйствительнымъ руководящимъ стимуломъ его было стремленіе къ собственному произволу въ дѣлѣ высшаго образованія. Съ другой стороны, съ неменьшею ясностью обнаруживалась въ тоже время способность нашихъ университетовъ къ самоуправленію

IV.

Недовольство, проникающее все русское общество и обусловленное неправильнымъ направленіемъ всей внутренней политики, можетъ быть устранено лишь мѣрами *общими.*

Эти мѣры не въ силахъ предпринять одно правительство. Для сего нужно содѣйствіе всего общества.

Достаточно бросить даже бѣглый взглядъ на положеніе нашей страны, чтобы придти къ заключенію, что теперь настало время привлечь къ дѣятельности всѣ *здоровыя* ея силы. Потребности государства ростутъ съ каждымъ годомъ, государственный бюджетъ въ теченіи 20 лѣтъ увеличился болѣе, чѣмъ вдвое и долженъ былъ бы еще подняться, если бы не откладывалось удовлетвореніе нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ нуждъ. Послѣдняя война потребовала чрезвычайныхъ расходовъ, изъ которыхъ значительная часть не покрыта прочнымъ образомъ до сей минуты. Выдержать громадное и постоянно возрастающее бремя государственныхъ повинностей при настоящей системѣ податей и сборовъ наша страна рѣшительно не въ состояніи даже въ теченіи немногихъ лѣтъ. Хотя вслѣд-

ствіе новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и временнаго оживленія промышленности послѣ войны и удалось въ послѣдніе два года заключить смѣту безъ дефицита, но на такіе благопріятные результаты нѣтъ возможности разсчитывать даже въ текущемъ году. Ясно для каждаго и давно уже сознано самимъ правительствомъ, что Россіи нужна податная реформа, и притомъ реформа, состоящая не въ частичной передѣлкѣ кое какихъ старыхъ и въ измышленіи нѣкоторыхъ новыхъ сборовъ, а въ основательномъ и систематическомъ пересмотрѣ всей нашей налоговой системы, съ крупными перемѣнами въ распредѣленіи тяжести сборовъ между отдѣльными классами общества. Но и этого мало. Никакая реформа податной системы не выведетъ насъ изъ бѣды, пока не увеличатся производительныя силы народа и не возрастетъ его достатокъ. А между тѣмъ всѣ, кто имѣли случай внимательно наблюдать хозяйственную жизнь нашихъ провинцій, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что этотъ достатокъ не только не возрастаетъ, а даже падаетъ. Въ настоящую минуту треть Россіи страдаетъ отъ скуднаго продовольствія; кое-гдѣ дѣло дошло до настоящаго голода. Въ южномъ краѣ хлѣбный жукъ готовитъ новыя опустошенія. Въ цѣломъ рядѣ губерній

свирѣпствуетъ дифтеритъ и другія повальныя болѣзни. Въ мануфактурныхъ округахъ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, производство уже начинаетъ нѣсколько ослабѣвать и готовится въ недалекомъ будущемъ къ новому кризису. Въ заграничной торговлѣ конкурренція Соединенныхъ Штатовъ съ каждымъ годомъ съуживаетъ обычные рынки Россіи. Внутри Россіи распространяющаяся дороговизна сокращаетъ потребленіе и путаетъ обычные разсчеты торговли и производства. Вездѣ, во всѣхъ углахъ, во всѣхъ сферахъ хозяйственной жизни чувствуется какая то болѣзненная расшатанность, которая подрываетъ производительныя силы страны.

Эта расшатанность не есть только преходящее явленіе минуты. Напротивъ, она составляетъ естественное послѣдствіе того факта, что нашъ государственно-административный механизмъ остается непринаровленнымъ къ измѣнившимся и усложнившимся потребностямъ обширной страны. Теперь, какъ и въ доброе старое время, центральное правительство ревниво устраняетъ общество отъ участія въ государственной жизни и беретъ на себя трудную задачу думать и дѣлать за него. Мудрена была эта задача даже въ то время, когда народная жизнь шла издавна

установившимся патріархальнымъ порядкомъ, къ которому давно примѣнились какъ общество, такъ и правительство. Но кто же не знаетъ, что этотъ привычный порядокъ потерпѣлъ въ теченіи послѣдняго времени столько существенныхъ перемѣнъ, сколько, быть можетъ, не выпадало ихъ на долю ни одной страны въ теченіи одного поколѣнія. Крестьянская реформа измѣнила въ самомъ корнѣ экономическій бытъ и отношенія всего русскаго земледѣльческаго класса крестьянъ и помѣщиковъ. Искуственные пути сообщенія переработали сложившіяся искони направленія производства и торговли, уничтожили прежніе промыслы и вызвали новые, поставили судьбу цѣлыхъ мѣстностей въ зависимость отъ распоряженій желѣзнодорожныхъ властей. Многочисленныя кредитныя учрежденія, выросшія въ наши дни, связали отдѣльныя мѣстности цѣпью взаимной задолженности. Эти перемѣны, осложненныя и дополненныя другими, имъ подобными, вызвали въ каждой мѣстности тысячи новыхъ вопросовъ, новыхъ нуждъ, прежде вовсе неизвѣстныхъ. Въ тоже время эти перемѣны настолько перепутали соединившіеся между собою интересы отдѣльныхъ мѣстностей, что медленность или неправильность рѣшенія вопросовъ въ одной изъ нихъ

непосредственно отражается на судьбѣ другихъ, часто весьма отдаленныхъ пунктовъ. Любая изъ мѣстныхъ нуждъ, будетъ ли то засуха или хлѣбный жукъ, неустройство порта или желѣзной дороги, эпидемія или болѣзнь скота, обѣднѣніе крестьянъ или застой на фабрикахъ,— не теряя своего мѣстнаго колорита, пріобрѣтаетъ въ тоже время по своему широкому вліянію характеръ общегосударственный. При такомъ усложненіи жизни одна центральная администрація, если бы даже она обладала нечеловѣческою мудростью и энергіей, не въ состояніи справиться со всѣми безчисленными задачами, которыя, по отсутствію самодѣятельности общественной, по необходимости падаютъ на нее. Цѣлый радъ нуждъ или вовсе остается неудовлетвореннымъ, или удовлетворяется шаблоннымъ способомъ, безъ соображенія мѣстныхъ интересовъ, или же влечетъ къ ряду безсистемныхъ, одна другой противорѣчащихъ мѣръ. Каждый изъ этихъ способовъ дѣйствія подрываетъ уваженіе къ власти и вызываетъ горькое недовѣріе къ ней.

Вывести нашу страну изъ того заколдованнаго круга, въ который она попала, не можетъ ничто, кромѣ призыва въ особое самостоятельное собраніе представителей земства

къ участію въ государственной жизни и дѣятельности, съ прочнымъ обезпеченіемъ правъ личности на свободу мысли, слова и убѣжденія.

Эта свобода вызоветъ наружу лучшія народныя силы, пробудитъ заснувшую жизнь и разовьетъ богатыя производительныя силы нашей страны. Свобода дѣйствительнѣе самыхъ крайнихъ репресивныхъ мѣръ подавитъ проявленія враждебныхъ государству, анархическихъ партій. Открытая полемика разобьетъ заблужденія ихъ теорій, а замѣна повальнаго недовольства бодрымъ настроеніемъ здоровой дѣятельности отниметъ почву у ихъ пропаганды.

Русское общество, не менѣе Болгаріи, созрѣло для свободныхъ учрежденій и чувствуетъ себя униженнымъ, что его такъ долго держатъ въ опекѣ. Глухо и затаенно, — потому что иначе и не можетъ быть при настоящемъ порядкѣ, — желаніе этихъ учрежденій высказывается повсюду и представителями земства, и дворянскими собраніями, и печатью. Дарованіе такихъ учрежденій съ представителями земства, созванными въ особое собраніе, во главѣ, придаетъ великому народу новыя силы и новую вѣру въ правительство и въ свое будущее. Готовясь къ минувшей войнѣ, русское общество инстинктивно ожидало, что

великое дѣло освобожденія соплеменныхъ народовъ должно будетъ сопровождаться и внутреннимъ освобожденіемъ. Неужели же нашей странѣ суждено обмануться въ этихъ завѣтныхъ чаяніяхъ?